

Мережковский, или Актуализация религиозно-философских смыслов европейской культуры*

© 2019 г. В.К. Кантор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.

E-mail: vlkantor@mail.ru

Поступила 11.04.2019

Статья посвящена судьбе одного из крупнейших мыслителей и писателей конца XIX – середины XX вв. Дмитрия Мережковского, создателя романной трилогии «Христос и Антихрист», трактата, потрясшего всю Европу, «Л. Толстой и Достоевский», творца смыслов Серебряного века. Интерес автора сосредоточен на идее второго, христианского Возрождения, которое, по Мережковскому, должно учесть опыт Ренессанса; оно «найдет Святую Плоть», обращая сознательные усилия не в предшествующую, языческую эпоху, а непосредственно в само христианство. Второе Возрождение он видел именно в возможных образного строя русской литературы, проникнутой веяниями нового таинственного «христианства Иоаннова». Мережковский раньше Шестова обозначил русскую литературу как русскую философию в цикле культурфилософских статей – «Грядущий хам», «Большая Россия», «Пророк русской революции», воспринятых современниками как откровение новой эпохи. Следом за Иоахимом Флорским Мережковский актуализировал идею Третьего Завета. Эта актуализация оказала огромное влияние на социум и культуру европейских стран. Автор показывает, что Мережковский как будто проверяет христианство на возможность сохранения и реализации свободы человека. Мыслитель утверждает, что христианство потеряло саму идею свободы, поэтому Ницше прав, выступая со своим «Антихристом» против христианской церкви. В статье показано, что идея Третьего Завета Иоахима Флорского, воспринятая Мережковским, будет способствовать возвращению свободы христианству тогда, когда будет открыт путь ко второму Возрождению. Всякая идея претерпевает изменения в умах сторонников. В статье отмечено, что вместо свободы в идее Третьего Завета нацисты увидели идею Третьего Рейха. Судьба Мережковского в эпоху нацизма и большевистского тоталитаризма стала бесконечным бегством. Автор приходит к заключению, что идея свободы, которая должна была реализоваться в Третьем Завете Мережковского, была ответом интеллектуала и литератора на практики тоталитарных структур идеократии XX в.

* Статья подготовлена в результате проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Ключевые слова: Серебряный век, революция, война, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, большевизм, нацизм, поэзия, дух и плоть, Третий Завет, апокалипсис.

DOI: 10.31857/S004287440006049-8

Цитирование: *Кантор В.К.* Мережковский, или Актуализация религиозно-философских смыслов европейской культуры // Вопросы филологии. 2019. № 8. С. 124–133.

Merezhkovsky, or Actualization of Religious and Philosophical Meanings of European Culture*

© 2019 г. Vladimir Kantor

National Research University Higher School of Economics, 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: vlkantor@mail.ru

Received 11.04.2019

The article deals with the fate of one of the greatest thinkers and writers of the late 19th – mid 20th centuries Dmitry Merezhkovsky, creator of the novel trilogy “Christ and the Antichrist”, a treatise that shook the whole of Europe, “L. Tolstoy and Dostoevsky”, the creator of the meanings of the Silver age. The author’s interest is focused on the idea of the Second, Christian Revival, which, according to Merezhkovsky, should take into account the experience of the Renaissance; it “will find the Holy Flesh”, turning conscious efforts not in the previous, pagan era, but directly into Christianity itself. Merezhkovsky saw The Second Revival in the possibilities of new imagery of Russian literature, imbued with the new trends of the mysterious “John’s Christianity”. He outlined Russian literature, earlier than L. Shestov, as a Russian philosophy of the cultures in a series of philosophical articles – “The Forthcoming Ham”, “Sick Russia”, “The Prophet of the Russian revolution” perceived by contemporaries as a revelation of a new era. After Joachim of Fiore Merezhkovsky actualized the idea of the Third Testament. This actualization had a huge impact on the society and culture of European countries. The author shows that Merezhkovsky seems to be testing Christianity for the possibility of preserving and realizing human freedom. The thinker argues that Christianity has lost the very idea of freedom, so Nietzsche is right to speak with his “Antichrist” against the Christian Church. The article shows that the Joachim of Fiore’s idea of the Third Testament, accepted by Merezhkovsky, would facilitate the return of freedom to Christianity when the way for the Second Revival will be opened. Every idea is changing in the minds its of supporters. The article notes that instead of freedom in the idea of the Third Testament, the Nazis saw the idea of the Third Reich. The fate of Merezhkovsky in the era of Nazism and Bolshevik totalitarianism was an endless flight. The author comes to the conclusion that the idea of freedom, which was to be realized in the Third Testament of Merezhkovsky, was the answer of the intellectual and writer to the practice of totalitarian structures of the ideocracy of the 20th century.

* The study has been funded by the Russian Academic Excellence Project '5-100'.

Key words: Silver Age, revolution, war, Zinaida Hippus and Dmitry Merezhkovsky, bolshevism, nazism, poetry, spirit and flesh, Third Testament, Apocalypse.

DOI: 10.31857/S004287440006049-8

Citation: Kantor, Vladimir K. (2019) 'Merezhkovsky, or Actualization of religious and philosophical meanings of European culture', *Voprosy Filosofii*, 2019, Vol. 8, pp. 124–133.

Странная судьба у этого классика. Он был невероятно знаменит при жизни, в юности общался с Достоевским, приятельствовал с Чеховым, при его жизни несколько раз выходили собрания сочинений, переведен был на все европейские языки, соперничал с Буниным за Нобелевскую премию. И почти сразу после смерти не то, что забыт, но как-то отошел на второй план. Как писатель оказался менее востребован чем Чехов, Бунин, т.е. те, с кем он входил в литературу. Как философ менее философичен, чем С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и т.д. Как религиозно-политический деятель не имел желаемого им влияния. Увы, прав Марк Алданов, написавший, что, несмотря на всю его известность, Мережковского в России во все времена ругали гораздо больше, чем хвалили. И все же он важная составляющая русской литературы и мысли. Поэтому нельзя забывать о Мережковском, одном из крупнейших русских мыслителей и писателей, положившем, строго говоря, начало Серебряному веку своей книгой «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» (1892) и отпечадавшем на этом веке свой мощный отпечаток. В том же году вышел второй поэтический сборник Мережковского с программным для зарождавшегося модернизма названием «Символы. Песни и поэмы». Далее пошли русские символисты, Брюсов и т.д. Степун писал в своей последней книге: «Родоначальниками духовного движения, которое получило название Серебряного века, надо назвать прежде всего Дмитрия Мережковского и Владимира Соловьева. Мережковский не был значительным поэтом, исторические романы его также не высокого класса. Большое имя и сильное влияние он приобрел как критик культуры, культурполитик, создатель определенного умонастроения, как “общественный деятель” — так принято в России называть людей подобного типа» [Stepun 1964, 7]. Эти слова своего рода итог, подведенный последним представителем Серебряного века. Сформулированные Мережковским идеи Второго Возрождения и Третьего Завета стали для него решением мировых противоречий.

Дмитрий Сергеевич Мережковский родился 2 августа 1866 г. в Санкт-Петербурге, умер 9 декабря 1941 г. в Париже. Отец его был чиновником, не чуждым литературе, интересовавшимся разными религиозными проблемами. И в юные годы, когда молодой Мережковский уже стал писать стихи, отец, человек фундаментальный, решил проверить: есть ли дар, или нет, есть ли, на что ставку делать, или это просто обыкновенное бумагомарание. Он берет юного Дмитрия и отправляется не к кому иному, как к Федору Михайловичу Достоевскому. Это было незадолго до смерти Федора Михайловича. Дмитрию едва исполнилось пятнадцать лет. Они пришли в квартиру Достоевского, коридор был завален экземплярами не распроданных книг писателя. Выходит бледный, с воспаленными глазами, Федор Михайлович, дрожащий мальчик смущенно читал перед ним свои детские стихи. «Слабо, плохо, никуда не годится, — сказал Достоевский, — Чтобы хорошо писать, страдать надо, страдать!» “Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает”, — возразил отец» [Николюкин 2001, 9–10]. Но пришлось Дмитрию Сергеевичу и писать много, и страдать немало.

Женой его была поэтесса, философствующий критик, мемуаристка Зинаида Гиппиус. Сама великая писательница, она сознательно позиционировала себя номером вторым. В девичестве имевшая несколько любовников, с некоторой склонностью к однополый любви, Зинаида, как ее называли, «ласковая кобра», выбрала в результате человека, которому стала служить со змеиной верностью, насмерть кусая его противников. Когда он

умер, она сказала: «Я умерла, осталось умереть только телу», написала книгу мемуаров «Дмитрий Мережковский». Они жили тогда в немецкой оккупации во Франции, он был уже очень слаб и тем не менее для нее был удар, когда в 1941 г. в ее комнату бежала горничная и крикнула: «Мадам, господину плохо».

После кончины мужа Гиппиус начала свои воспоминания о нем, довольно жестко сформулировав задачи своего текста: «Все жены людей, более или менее замечательных, писали свои о нем воспоминания. <...> Мы прожили с Д.С. Мережковским 52 года не разлучаясь, со дня нашей свадьбы в Тифлисе, ни разу, ни на один день» [Гиппиус-Мережковская 1990, 284]. Про то, что не разлучались, — это, конечно, поэтическое преувеличение, при всей внутренней правдивости этих слов. Брак свой они называли реальным в том смысле, что не плоть связывает людей, а дух, так что можно смело говорить о духовном единении. Оно очевидно. Но судьба этого духовного единства была не простой. Рядом с ними был третий, тезка Мережковского — Дмитрий Владимирович Философов, младше своего учителя на несколько лет. Ситуация не раз отыгранная в мировой культуре. Вспомним историю родителей Гамлета, где молодой брат соблазнил мать принца. С Философовым у Зинаиды Гиппиус случился настоящий плотский роман. Зинаида была наступающей, активной стороной, Дмитрий Владимирович сломался, писал ей: «Зина, пойми, прав я или не прав, сознателен или несознателен, и т.д., и т.д., следующий факт, именно факт остается, с которым я не могу справиться: мне физически отвратительны воспоминания о наших сближениях. <...> Здесь же все мое существо бунтует и у меня острая ненависть к твоей плоти. [Злобин 2004, 220].

В Серебряном веке эти тройственные союзы стали едва ли не нормой, вспомним чету Бриков и Маяковского. В данном случае активной стороной была Зинаида, не случаен, видимо, ее мужской псевдоним в духе «Серебряного века» — Антон Крайний. Философов резко ушел в сторону. Зинаида продолжала писать страстные женские письма, но разрыв был по сути окончательный: «В конце января 1913 г. Гиппиус из Ментоны пишет в Петербург Философову: “Дима, дорогой, любимый, радость моя милая, приезжай. Так прошу тебя, всей моей душой тебя прошу, никогда еще так не просила. Мое сердце сейчас к тебе точно на острие. Сюда приезжай, — если не можешь для чего-нибудь, хоть только для меня одной приезжай. <... > Как не поймешь? Я люблю тебя сильно и так прошу, так прошу, неотступно, знаю, что это для меня сейчас и что для меня значит, и для всех”» [Злобин 2004, 230].

Но Философов не вернулся, она давила его. И после этого разрыва, начиная с первых лет эмиграции, пара Мережковский — Гиппиус становится окончательно неразрывной, с единым взглядом на мир и вырастает окончательно в поразительное явление русской культуры. И Зинаида становится лучшим истолкователем идей мужа, хотя, как говорили современники, многие идеи рождались в ее демонической головке, но канонический облик они обретали под пером Мережковского.

Поэтическая реакция Мережковского показательна:

Люблю иль нет, — легка мне безнадежность:
Пусть никогда не буду я твоим,
А все-таки порой такая нежность
В твоих глазах, как будто я любим.

Но как же воспринимали его великие современники?

Бердяев писал о нем в 1916 г. так (и впоследствии своего отношения не менял): «Он живет в литературных отражениях религиозных тем, не может мыслить о религии и писать о ней иначе, как исходя из явлений литературных, от писателей. Прямо о жизни Мережковский не может писать, не может и думать. Он — литератор до мозга костей, более чем кто-либо» [Бердяев 2004, 196]. И вправду, он и поэт, и большой прозаик (автор удивительных исторических романов), и драматург, и переводчик (переводил Еврипида, Софокла, Гёте, Эдгара По), и религиозный философ, мыслитель, который строго говоря создал новое направление в русской культуре, — неохристианство. Бердяев назвал это течение «новым христианством. Но вообще-то такое понимание литературы как материала для осмысления и переделки жизни лежит в

традиции русской критики XIX в., так называемой «реальной критики». О том, что же есть Мережковский, об идентичности его и его творчества не менее напряженно, чем Бердяев (но по-другому), размышлял Андрей Белый, словно забывая, что вполне мог бы обратить этот вопрос к самому себе. «Определите-ка его, кто он: критик, поэт, мистик, историк? То, другое и третье или ни то, ни другое, ни третье? Но тогда кто же он? Кто Мережковский?» [Белый 1994, 376] — со страстью вопрошал он в 1908 г. Похоже, что именно ему ответил Блок в 1909 г. в газете «Речь», заметив, что Мережковский «родился художником и художником умрет» [Блок 2001, 246]. Самая настоящая слава пришла к нему после выхода в 1902 г. трактата «Л.Толстой и Достоевский». Вся последующая русская философская публицистика опиралась, спорила, заимствовала многое из этого трактата. На Западе трактат был переведен и служил долго объяснением идей двух русских гениев. В эмиграции он принят как лидер русской культуры. В 1921 г. Томас Манн писал: «Я услышал <...>, что Мережковский, бежавший из Советской России, <...> меня посетит. Дмитрий Мережковский! Тот, чья книга о Толстом и Достоевском произвела на мои двадцать лет такое неизгладимое впечатление <...>! Никому не хочется показаться провинциалом, и поэтому я невозмутимо ответил, что господин Мережковский будет, конечно, желанным гостем. Но в глубине души я не верил ни одному слову. Миф не сидит запросто у тебя в комнате. Так не бывает» [Манн 2008, 92]. Но так было. Его одобрителного слова оказалось достаточно, чтобы немецкие издатели поддержали проект Федора Степуна по изданию сборника «О мессии».

В 1902 г. Чехов внес предложение присвоить писателю звание почетного академика российской Академии наук. Нынешняя издательница книг Мережковского Елена Анатольевна Андрущенко пишет: «Выпускникам средних учебных заведений <...> вместе с документами об окончании курса вручался томик его “Вечных спутников”» [Андрущенко 2007, 706]. В 1914 г., когда ему было всего 48 лет, вышло собрание его сочинений в 24-х томах! Академик Котляревский выдвинул его тогда же в первый раз на Нобелевскую премию, которую он так и не получил. Писательская популярность пришла к Мережковскому после создания трилогии «Христос и Антихрист», в которой писатель изложил свою философию истории и свой взгляд на будущее человечества и которая была начата им в 1890-е гг. Первый роман из этой серии «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1895), впоследствии назывался критиками в числе сильнейших произведений Мережковского. За ним последовал роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1901), в затем вышел третий роман трилогии «Антихрист. Петр и Алексей» (1904–1905), где Петр по-славянофильски назывался антихристом. Впоследствии, после Октября, он резко изменил свои взгляды на Петра, который стал для него создателем великой России. Но деление мира на тезис и антитезис, Христа и Антихриста, стало основой его мыслительных построений.

Как пишет Н.К. Бонеецкая: «Мережковский был ключевой фигурой для Серебряного века. Дом Мурузи на Литейном проспекте, где жила чета Мережковских, это второй духовный центр Петербурга 1900-х гг., равнозначный Башне Вяч. Иванова на Таврической» [Бонеецкая 2017, 18]. Стоит сослаться на философического бытописателя эпохи — Андрея Белого: «Здесь, у Мережковского, воистину творили культуру, и слова, произнесенные на этой квартире, развозились ловкими аферистами слова» [Белый 2012 web]. Действительно, «даже и крупнейшие авторитеты в области религиозной мысли обязаны своими идеями Мережковскому» [Бонеецкая 2012, 99].

Мережковский не принял революцию 1905 г. (не говорю уж об Октябрьской). В эти годы он пишет две работы, которые до сих пор — среди его наиболее цитируемых работ: «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» и «Грядущий хам». По названию последней статьи он выпустил в 1906 г. книгу очерков, где писал, что Россия стоит на пороге «мировой судороги» — революции, главный деятель которой — Хам, страшный Двойник, подменяющий собой революционную интеллигенцию, подчиняющий себе сервильную церковь. В нем возможное будущее России, выявленное пока в хулиганстве, босячестве, черносотенстве. Говоря о мешанстве, как будущем Европы, он видит и его российскую специфику: «Мироправитель тьмы века

сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам. У этого Хама в России — три лица. <...> Третье лицо будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу, — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц» [Мережковский 2004, 25]. То есть страшнее самодержавия и казенной церкви. И ведь угадал! Здесь явное предчувствие западноевропейских идей о «восстании масс».

Смысл открытого им образа оценили далеко не сразу. Поразительно, что Федор Сологуб творец «Мелкого беса», где он с невероятной силой изобразил бесовщину как не утихшую стихию, как константу русской жизни, не понял этого. В 1906 г. он писал: «У хамов, известно, и забавы хамские. Барину Мережковскому они не нравятся. <...> Бояться Грядущего Хама станет только тот, кто не верит свободе» [Сологуб 2001, 138]. Это, конечно, с одной стороны, явное передергивание, ибо именно свободы личности и взыскует Мережковский, а, с другой, — явное непонимание, что значит свобода, данная большинству, данная народу вообще. Это и в самом деле путь к смерти. Когда-то русские даже народнически ориентированные мыслители не относились столь легкомысленно к этой проблеме. Скажем, Белинский, заметив, что дать дитяти полную свободу, значит погубить его, писал: «Не в парламент пошел бы освобожденный русский народ, а в кабак побежал бы он, пить вино, бить стекла и вешать дворян, то есть людей, которые бреют бороду и ходят в сюртуках» [Белинский 1982, 53]. Мережковский искал опоры для свободы в истории европейской культуры, пока не остановился на идее Третьего Завета.

Не разделял Мережковский и идею Достоевского о том, что православие русского народа — путь к свободе, что мужик Марей спасет Россию. Вот слова Мережковского о Достоевском: «Зверь идет, Антихрист идет! От этого ужаса не мог его спасти мужик Марей, русский народ, который, сделавшись “русским Христом”, двойником Христа, сам превратился в Зверя, в Антихриста, потому что Антихрист и есть двойник Христа» [Мережковский 2004, 135]. Мережковский — едва ли не единственный из русских верующих мыслителей (если не считать Чаадаева) — осмелился выступить против обоготворения народа как такового. Физически это был маленький человек, хрупкий, ниже ростом, чем его жена, грассировал и не производил впечатления какого-то мощного творца или мыслителя. Но в этом маленьком человечке бушевали страсти. Это были страсти не витальные, а духовные. Он много писал о любви, о поле, о взаимоотношениях мужчины и женщины. Но сам был человеком, по-видимому, достаточно бесстрастным. Подтверждающим это соображение мы можем считать и тот факт, что его удивительный брак был в основе своей платоническим. Интересны слова Розанова о Мережковском, написанные им в 1909 г.: «Он — не пророк, *именно* не пророк. Он ученый, мыслитель, писатель, и только». И добавляет: «Ни о каком грядущем Мессии теперь он не думает, ни о каком Третьем Завете» [Розанов 2001, 107]. Однако вряд ли Розанов прав. Начиная со статьи «Меч» (1906), Мережковский постоянно думал о Третьем Завете. Поиск Третьего Завета для него означал поиск духовного пространства, где может утвердиться свобода. Поэтому Мережковский не уставал всю жизнь проповедовать идею Третьего Завета, актуализируя идею Иоахима Флорского. «Ветхий Завет есть откровение Единого в Едином; Новый — Двух в Едином. Третья ступень — откровение Третьей Ипостаси будет окончательным синтезом тезиса и антитезиса, объекта и субъекта, плоти и духа, последним соединением Первого Царства Отчего и Второго Сыновнего — в Третьем Царстве Духа Святого, Плоти Святой. Третий Завет будет откровение Трех в Едином» [Мережковский 2004, 167]. Окончательная форма существования христианства в истории есть диалектическое отрицание старых форм, которое дает новый синтез — Третий Завет, Откровение Духа. Именно эта доктрина стала «визитной карточкой» Мережковского, в истории русской философии он известен по преимуществу как пророк Третьего Завета. Но именно Второе Возрождение, которое, на его взгляд, пробуждается в христианстве прежде всего русской литературой, становится основой Третьего Завета. Историсофия Мережковского пропитана эсхатологичностью, ожиданием окончательного Откровения.

Напомню, что на рубеже XII–XIII вв. итальянский монах-мистик Иоахим Флорский проповедовал приближение эпохи Третьего Завета, впоследствии эта идея была

подхвачена и другими приверженцами мистической традиции. Более того, уже позже в этой идее многие мыслители видели вариант средневекового коммунизма. Но Мережковский резко разводил идеи Флорского с современностью: «Смешивать два “коммунизма” — наш и XIII века — все равно, что смешивать невинную девушку с блудницей, детскую улыбку св. Франциска — с дряхлой усмешкой Ленина, утреннюю звезду — с тускло-светящей гнилушкой» [Мережковский 2000, 175].

Благодаря Мережковскому идея Третьего Завета дожила почти до наших дней и сказала в пред- и по-революционной Германии и России. В книге об Иоахиме Мережковский писал: «Есть ли христианство все, чем жило, живет и будет жить человечество? Нет ли чего-то до христианства и за христианством; нет ли по сю и ту сторону его какого-то древнего, забытого, и нового, неизвестного, религиозного опыта? Вот вопрос, поставленный за семь веков до нас Иоахимом и встающий перед нами сейчас грознее, чем когда-либо. <...> Эта-то еще для людей неуместимая и потому, во Втором Завете Сыном еще не открытая Истина и есть Третий Завет — Царство Духа — Свободы» [Мережковский 2000, 189].

Далее эта идея реализовалась в творчестве русских поэтов в революционную катастрофу. Назову Максимилиана Волошина, писавшего в цикле «Пути России»:

Так семя, дабы прорасти,
Должно истлеть...
Истлей, Россия,
И царством духа расцвети!

Маяковский, поэзия которого насквозь проникнута христианскими реминисценциями, скорее всего не без влияния Мережковского, а, может, и Волошина в поэме «IV Интернационал» (1922) в период его разочарования в Октябрьской революции вспоминает идею Третьего Завета.

Взрывами мысли головы содрогая,
Артиллерией сердец ухая,
Встает из времен
Революция другая —
Третья революция
Духа!..

Интересно, что под влиянием Мережковского идея Третьего Завета перебралась и в Германию, породив там целое течение среди мыслителей, создателей «консервативной революции», дав в результате название гитлеровскому государству — Третий Рейх. Мережковский в этом неповинен, как неповинен, по мнению историков немецкой мысли, Артур Мёллер ван ден Брук, создатель трактата «Третья империя» (Третий Рейх), не принявший нацизма и покончивший с собой в 1925 г. В 1900-е годы при посредничестве золовки он знакомится с русской знаменитостью — Дмитрием Мережковским, который дает ему почитать первое немецкое собрание сочинений Достоевского. В 1904 г. он опубликовал статью, с которой порой прослеживают начало идеологии «младоконсерватизма», статья называлась «Толстой, Достоевский и Мережковский». Так европеист, хотя поначалу и склонный к почвенным идеям, оказался у истоков антиевропейской идеологии. И вправду, как писал Тютчев, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Теократический проект Мережковского переносил в социальный план его мечту о примирении «духа и плоти». В первом своем большом трактате о Толстом и Достоевском он писал: «Кажется, второе Возрождение это и начинается, действительно, ежели не в самой русской церкви, то около нее и близко к ней, именно в русской литературе, до такой степени проникнутой веяниями нового таинственного “христианства Иоаннова”, как еще ни одна из всемирных литератур» [Мережковский 2000, 209].

Философия Мережковского проблематизирует опыт великих писателей XIX в. и актуализирует их идеи. Скучность бытийственного опыта не позволяла Мережковскому философствовать «от себя»; но ведь можно опираться и на чужой опыт бытия, — как правило, так и происходит. Мережковский и его последователи (а ими были Л. Шестов, Н. Бердяев, Вяч. Иванов, С. Булгаков) фактически *сакрализовали* русскую

литературу XIX в., обнаружив в художественных текстах философские и религиозные смыслы.

М. Алданов был уверен в долговечности текстов Мережковского: «Литературные его заслуги очень велики. Книга “Толстой и Достоевский” положила начало новейшей русской критике. Так называемые “формалисты” ему обязаны очень многим, хоть они об этом не говорят» [Алданов 2006, 459]. Чуткость Мережковского к поэтическому смыслу текста культуры удивительна, почти ни с кем не сравнима. Чтобы понять его необычность, можно вспомнить старую поговорку: «Новое – это хорошо забытое старое». Для Мережковского, пожалуй, самой свежей книгой человечества была Библия. Ю.К. Терапиано задает себе вопрос о Дмитрие Сергеевиче: «Верил ли он? Думаю, что в Бога он всегда верил. Поэтому, вопреки репутации, установившейся за ним еще в России, Мережковский *богоискателем* не был, т.к. быть богоискателем означает искать Бога, т.е. еще не иметь Его, не верить в Него».

Но, веруя в Бога, Мережковский мучительно и напряженно *искал Христа*, которого хотел понять и познать Его, вместо того, чтобы, подобно Савлу, ощутить Его на пути в Дамаск – позабыть хотя бы на время о разуме и отдаться чувству» [Терапиано 2001, 439].

А потом – вынужденная эмиграция. После Октябрьской революции для русских мыслителей наступила эпоха катастрофы. Голод, холод, постоянная опасность расстрела или просто бессудного убийства на улице поднятыми большевиками со дна жизни социальными выродками. Рождался страшный мир, и рождался он страшно. Но надо было еще найти людей, способных на такую беззаконную жестокость. То есть *людей уголовно-варварской психологии, не имеющих понятия о ценности человеческой жизни*. И такие люди нашлись, причем было их немало. Их злодеяния выходили за пределы цивилизованного человеческого восприятия, напоминая поступки варваров давно прошедших веков. Жизнь интеллектуальной элиты, как писала Зинаида Гиппиус, трудно сегодня вообразить. Ощущения тяжести жития и бытия имели вполне реально-бытовое воплощение: «Голод, тьма, постоянные обыски, ледяной холод, грузная атмосфера лжи и смерти, которой мы дышали, – все это было несказанно тяжело» [Гиппиус-Мережковская 1990, 473]. Стоит отметить, даже подчеркнуть, что в это дикое время, сама писательница, Зинаида Гиппиус следила, чтобы у Мережковского всегда был свет, перья и чернила для работы, а также немного еды. О себе она думала меньше, просто вела дневник, который потом в эмиграции издала в нескольких книжках под названием «Черная книжка» и «Серый блокнот». После Октябрьского переворота Мережковские оказались в явной оппозиции советской власти. Известен разговор Зинаиды Гиппиус с Блоком. Она отказалась «общественно» пожать руку Блоку, стоявшему за сотрудничество с большевиками, пожалала «только в личном порядке» [Терапиано 2001, 444].

Философы и писатели покидали эту страну. Но в Европе были другие трудности и жестокости. Мережковский пытался наладить контакты с сильными мира сего в Европе, начиная от Муссолини, с которым он пытался договориться об издании своей книги о Данте, писал письмо римскому папе Пию XI: «Святой Отец! в эту минуту, роковую не только для христиан востока, но и для всего христианского человечества, мы зываем к Вам с верой, надеждой, любовью. <...> Воссоединение Церквей было издавна молитвою и воздыханием самых вещей, русских людей, предвидевших катастрофу, нас уже постигшую и грозящую всему миру. Церковь Вселенская, – “да будет один пастырь и единое стадо”, – наша надежда, наша вера, наша любовь» (Впервые: Последние новости. 1922. 10 мая. № 633. С. 2). Но проку не было.

Владимир Злобин, секретарь Мережковского, вспоминал, как недоброжелательно отнеслась Европа к русским изгнанникам, к Мережковским: «В предвоенной, большевизантствующей Европе Д.С. Мережковский своим антибольшевизмом, да еще на христианской основе, был не ко двору».

Не ко двору был он и при Гитлере <...> и даже не из-за своего христианства, с которым «Propaganda Staffel» на худой конец еще могла бы, морща нос, примириться. Но совершенно для нее неприемлемо было отношение Мережковского к России, его неколебимая вера в ее национальное возрождение» [Злобин 2004, 10].

Постоянная ностальгия русских эмигрантов по потерянной общей большой любви, о Родине, которая, как любимая, но неверная женщина, отторгла их в пору страстной любви, когда вся их жизнь была посвящена ее преуспеянию и духовному возвышению. Тоску и отчаяние их трудно сегодня нам представить без подобной жизненной параллели. Неслучайно характерное для многих культур сравнение Родины с невестой и женой. Об этой любви Мережковского писала его жена Зинаида Гиппиус: «Он был русский человек прежде всего и русский писатель прежде всего – что я могу и буду утверждать всегда, могу – потому что знаю, как любил он Россию, – настоящую Россию, – до последнего вздоха своего, и как страдал за нее» [Гиппиус 2016, 218].

Разумеется, Мережковского не приняли ни нацисты, ни большевики. Да он и сам этого не хотел. Бесконечное бегство от тоталитаризма стало его судьбой. Ибо идея свободы, которую он видел в Третьем Завете, была категорически неприемлема для тоталитарных структур идеократии. В эмиграции Мережковский отошел от романов и литературной критики, перейдя к философско-религиозным книгам, последние годы жизни он писал о великих религиозных мыслителях – Лютере, Кальвине, Паскале – и святых, написал и издал книгу об испанских мистиках.

Розанов писал в своем трагическом «Апокалипсисе нашего времени»: «Когда-нибудь вся “русская литература”, – если она продолжится и сохранится, что очень сомнительно, – будет названа в заключительном своем периоде “Эпохой Мережковского”. И его *мыслей*, – что тоже важно: но главным образом его действительно вещей и трагических ожиданий, предчувствий, намеков» [Розанов 2000, 124]. Разумеется, Розанов, как всегда, ерничал. Но в этом ерничанье слышится звук истины. Идея Третьего Завета, прошедшая сквозь много веков и актуализованная Мережковским, остается и сегодня проблемой для христиански ориентированных мыслителей. Историю мировой, а особенно русской литературы и культуры нельзя представить без трудов Д.С. Мережковского.

Источники – Primary sources

Алданов 2006 – Алданов М. Д.С. Мережковский // Алданов М. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. М.: НПК «ИНТЕЛВАК», 2006 [Aldanov, Mark *Armageddon. Notebooks. Memories. Portraits of Contemporaries* (In Russian)].

Белинский 1982 – Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1982 [Belinsky, Vissarion G. *Collected Works* (In Russian)].

Белый 1994 – Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. [Bely, Andrei *Symbolism as a World View* (In Russian)].

Белый 2012 web – Белый Андрей. Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_18_1908_arabesky.shtml [Bely, Andrei *Arabesques* (In Russian)].

Гиппиус 2016 – Гиппиус З. Ласковая кобра. Своя и Божья. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016 [Gippius, Zinaida. *Affectionate Cobra* (In Russian)].

Гиппиус-Мережковская 1990 – Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский. М.: Московский рабочий, 1990 [Gippius-Merezhkovskaya, Zinaida N. *Dmitry Merezhkovsky* (In Russian)].

Злобин 2004 – Злобин В.А. Тяжелая душа. Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М.: НПО «ИНТЕЛВАК», 2004 [Zlobin, Vladimir A. (2004) *Heavy Soul. Literary Diary. Memories. Articles. Poems* (In Russian)].

Манн 2008 – Манн Т. Русская антология. М.: Вагриус, 2008 [Mann, Thomas. *Russische Anthologie* (Russian Translation)].

Мережковский 2004 – Мережковский Д.С. Грядущий хам. М.: Республика, 2004 [Merezhkovsky, Dmitry *The Forthcoming Ham* (In Russian)].

Мережковский 2000 – Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000 [Merezhkovsky, Dmitry L. *Tolstoy and Dostoevsky* (In Russian)].

Розанов 2000 – Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. [Roazanov, Vasily V. *The Apocalypse of Our Time* (In Russian)].

Stepun 1964 – Stepun, Fedor. *Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des Russischen Symbolismus*. München: Carl Hanser Verlag, 1964.

Ссылки – References in Russian

- Андрущенко 2007 – *Андрущенко Е.А.* Спутники Д.С. Мережковского. СПб.: Наука, 2007.
- Бонецкая 2017 – *Бонецкая Н.К.* В поисках неведомого Бога. Мережковский – мыслитель. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
- Бонецкая 2012 – *Бонецкая Н.К.* Д.С. Мережковский: герменевтика и экзегетика // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 97–113.
- Николюкин 2001 – *Николюкин А.Н.* Феномен Мережковского // Д.С. Мережковский: pro et contra / Сост., вступ. ст. А.Н. Николюкина. СПб.: РХГА, 2001. 7–28.
- Терапиано 2001 – *Терапиано Ю.К.* Дмитрий Мережковский: взгляд в прошлое // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. С. 437–447.

References

- Andrushchenko, Elena A. (2007) *D.S. Merezhkovsky's Satellites*, Science, Sankt-Petersburg (In Russian).
- Bonetskaya, Natalya K. (2017) *In Search of an Unknown God. Merezhkovsky as a Thinker*, Center for Humanitarian Initiatives, Moscow, St. Petersburg (In Russian).
- Bonetskaya, Natalya K. (2012) D.S. 'Merezhkovsky: hermeneutics and exegesis', *Voprosy Filosofii*, 2012, Vol. 11, pp. 97–113 (In Russian).
- Nikolyukin, Alexander N. (2001) 'The Phenomenon of Merezhkovsky', *D.S. Merezhkovsky: pro et contra*, Russian Christian Academy of Humanities, Saint Petersburg, pp. 7–28 (In Russian).
- Terapiano, Yury K. (2001) "Dmitry Merezhkovsky: the Retrospect", *D.S. Merezhkovsky: pro et contra*, Russian Christian Academy of Humanities, Saint Petersburg, pp. 437–447 (in Russian).

Сведения об авторе

КАНТОР Владимир Карлович – доктор философских наук, профессор, руководитель Международной лаборатории русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Author's information

KANTOR Vladimir K. – DSc in Philosophy, Professor at the Faculty of Humanities / School of Philosophy, Laboratory Head at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue at the National Research University Higher School of Economics.